

СУД ЧЕСТИ ПРИ СОЮЗЕ РУССКИХ СТУДЕНТОВ-ЭМИГРАНТОВ В ПОЛЬШЕ

На основе неопубликованных документов бывшего «Пражского архива» анализируются генезис, специфика и деятельность студенческого Суда Чести, действовавшего при Союзе русских студентов-эмигрантов в Польше. Делается вывод о том, что Суд Чести способствовал поднятию морального духа русского студенчества и очищению его рядов от людей с противоправным и аморальным поведением, воспитанию внутренней дисциплины у русских студентов-эмигрантов, помогал им решать конфликты и благоприятно воздействовал на имидж русского студенчества в Польше.

Ключевые слова: Русское зарубежье; русские эмигрантские организации в Польше; студенческие эмигрантские организации; суды чести.

До настоящего времени исследователи Русского зарубежья обращали главное внимание на страны, где концентрировалась основная масса русских эмигрантов, поэтому общественная жизнь русской эмиграции во Франции, Германии, Югославии и Чехии освещена и изучена достаточно подробно. Но общественная активность русской эмиграции не ограничивалась Парижем, Берлином, Белградом и Прагой. Одним из центров русской общественной жизни стала Варшава. По данным польских властей, организовавших регистрацию русских эмигрантов, коснувшуюся в основном городского населения, в первой половине 1925 г. в Варшаве эмигрантов из России насчитывалось 5 914 человек, всего в Польше – 53 080, а в 1926 г. – 76 235 человек [1. С. 291–293]. Русские эмигранты в Польше в межвоенный период находились в плохих материальных и правовых условиях по сравнению с другими центрами рассеяния. Польские власти не создали для русских эмигрантов благоприятных условий жизни. Тем не менее наличие в Польше значительного числа русских эмигрантов из среды интеллигенции способствовало возникновению эмигрантских организаций, консолидировавших эмигрантов для политической, общественной и благотворительной деятельности и для общения в привычном кругу. Среди них были организации, объединявшие эмигрантов по корпоративному признаку. В Польше действовали объединения писателей, студентов, юристов и учёных.

Корпоративные эмигрантские организации стремились поддерживать среди своих членов высокие этические стандарты, поэтому создавались специальные выборные органы – суды чести, занимавшиеся разбором преступлений и конфликтов, происходивших внутри объединения. Наличие при общественной эмигрантской организации суда чести не являлось необычным – органы корпоративной юстиции имелись при других русских эмигрантских организациях в Польше, например при Обществе юристов-эмигрантов и среди русских интернированных войск в Польше.

Несмотря на успехи в изучении эмиграции «первой волны», многие аспекты многоплановой деятельности общественных организаций русских эмигрантов в Польше до настоящего времени не получили должного освещения. К таким вопросам относится деятельность Суда Чести при Союзе русских студентов-эмигрантов в Польше (СРСЭ). Так, анализ историографии, относящейся к теме, показал, что историки, изучавшие русскую эмиграцию и эмигрантское

студенчество, целенаправленно и подробно не исследовали деятельность судов чести при русских эмигрантских организациях в Польше. Проблема российских студенческих судов чести затрагивалась в работах российских авторов. Е.И. Иванов отмечает, что суды чести впервые в России возникли при студенческих немецких корпорациях в Дерптском университете, а при российских студенческих организациях действовали до октября 1917 г. [2. С. 169; 3. С. 246].

В монографии К.В. Бирюковой, посвящённой студенческим союзам в Европе, в том числе СРСЭ, не упоминается о существовании судов чести [4], также как и в статье харьковского историка А.И. Ёлкина, посвящённой социально-бытовым условиям жизни русских студентов-эмигрантов в Польше [5]. Только М.В. Трошкина в статье, обобщающей фонды, относящиеся к эмигрантским организациям в Польше, отмечает, что материалы Суда Чести СРСЭ освещают материальное положение студентов и что большая часть рассмотренных судом дел относится к мелким преступлениям, в основном бытовым кражам на почве нищеты [6]. В статье, таким образом, осуществляется первая попытка исследовать генезис, специфику и деятельность Суда Чести СРСЭ.

Источниковой базой стали неопубликованные материалы, находящиеся на хранении в Государственном архиве Российской Федерации в фондах бывшего «Пражского архива» – Русского заграничного исторического архива (РЗИА). Документы РЗИА стали доступны исследователям сравнительно поздно – в 1988 г. Основная часть документов рукописная, выполненная в соответствии с дореволюционной орфографией, что свидетельствует о желании членов СРСЭ законсервировать дореволюционную культуру. Выявлены документы, регламентирующие деятельность Суда Чести СРСЭ (Положение о Суде Чести) и массив делопроизводственных документов, проливающих свет на деятельность Суда Чести за 5 лет с 1923 по 1927 г. (протоколы судебных заседаний, приговоры, а также заявления, повестки и письменные показания сторон судебного процесса). Судебные делопроизводственные документы находятся в разных делах фонда, что затрудняло их выявление. В целом можно сделать заключение об их достаточной репрезентативности.

Начало истории судов чести относится к временам появления рыцарства и японских самураев, когда наличие чести стало главным отличием дворянства от «третьего сословия». В России появление первых

представлений о воинской чести связано с зарождением русского государства и появлением княжеской дружины в период военной демократии. В дальнейшем в концепт чести стали включаться этические нормы, что обусловлено принятием христианства на Руси и утверждением христианской морали. Понятие «честь русского офицерства» окончательно сформировалось в середине XIX в., тогда же в среде офицеров появились первые суды чести. Понятие «воинская честь» подразумевало и долг перед Родиной, чему способствовала воинская повинность и система обучения, включавшая моральное воспитание. Вот как в 1898 г. полковник В.А. Швайковский характеризует роль судов чести в имперской армии: «Суд чести, имея целью охранение достоинства военной службы, чести и доблести офицерского звания, представляет собой высокий авторитет по всем вопросам чести и благородства; он же вместе с тем верный хранитель и выразитель традиций армии» [7].

Как уже отмечалось, органы корпоративной юстиции действовали при российских студенческих организациях до октябрьского переворота 1917 г., так что русские студенты-эмигранты имели представление о судах чести, существовала традиция судов чести. Сохранению среди студентов традиций корпоративной юстиции способствовало то, что основная масса студентов прибыла в Польшу после Гражданской войны в составе армий генерал-лейтенанта Н.Э. Бредова и генерала от инфантерии Н.Н. Юденича и некоторое время компактно размещалась в лагерях интернированных [8. Д. 15. Л. 18].

В связи с тем что мы рассматриваем студенческий суд чести, возникает вопрос: что понимали студенты – члены СРСЭ под таким моральным качеством как честь? Исходя из понятия чести, можно предположить, что студенческая честь могла включать в себя степень добросовестности и честности, патриотизм, студенческое братство, личное достоинство, потребность самореализации через полную самоотдачу при выполнении учебных и общественных обязанностей, стремление к качественному и эффективному решению задач, способность преодолевать трудности, продуктивное выполнение обязанностей.

Согласно «Положению о Суде Чести», входившему как составная часть в устав СРСЭ, Суд имел право разбирать дела, возникавшие между членами Союза и между третьими лицами и членами Союза и относящиеся к нарушениям общепринятых понятий о чести и порядочности; нарушениям издавна установившихся студенческих традиций и корпоративной чести; проступкам уголовного характера, возникающим в порядке частного обвинения (оскорбление на словах и действием, клевета и пр.).

Поскольку одной из задач Суда Чести являлось рассмотрение дел о нарушении издавна установившихся студенческих традиций, необходимо разобраться, в чём заключались данные традиции. Наиболее яркой традицией, конечно, является празднование Татьянина дня, но Суд Чести вряд ли мог рассматривать дела о нарушении данной традиции. Гораздо важнее для студенческого сообщества являлось ак-

тивное участие его членов в общественной жизни. По мнению А.Н. Гостева, «студенческое самоуправление в России было уже в Московском, Санкт-Петербургском, Дерптском, Казанском и других университетах» [9. С. 118]. Другой важной традицией являлась их аполитичность, так как политические организации в Российской империи долгое время были запрещены правительством. К тому же корпорация объединяла студентов разных политических взглядов, и политические разногласия могли внести вражду и раскол в студенческую среду. В уставе СРСЭ отмечено, что он является аполитичной организацией [8. Д. 1. Л. 1]. Таким образом, политика оставлялась за рамками СРСЭ, и верх брала традиция студенческого братства и дружеской взаимопомощи. Традицией являлись также солидарность и всеобщее равенство студентов – членов корпорации вне зависимости от религиозной принадлежности, национальности, пола, сословного и материального положения. Также в студенческой среде осуждалось получение обеспеченными студентами материальной помощи от государства.

Власть корпорации распространялась только на её членов, поэтому дела между третьими лицами и членами СРСЭ подлежали юрисдикции Суда лишь при согласии заинтересованных третьих лиц. Дела уголовного характера, возникавшие в порядке частного обвинения, принимались к рассмотрению Суда вне зависимости от возбуждения дела в государственном суде.

Процедура возбуждения и рассмотрения дела была достаточно простой по сравнению с государственным судом, это экономило время и силы студентов и освобождало их от денежных трат, что играло значительную роль для русских студентов-эмигрантов, часто живших в Польше впроголодь. Дела возбуждались по письменному или устному заявлению заинтересованных лиц; по постановлению Общего собрания Союза, Правления Союза или других его органов и по инициативе Суда Чести.

Суд состоял из председателя, двух членов и двух кандидатов к ним. Долгое время в Суде председательствовал М.Э. Шмидт, затем его сменил А.А. Савастьянов. Членами Суда в разное время состояли студенты Л.И. Быстрицкий, М.Р. Заграй, А.В. Зайковский, П.Е. Кишкин, В.М. Неклюев, Г.П. Роев и др.

Во время заседания секретарские обязанности возлагались на одного из членов Суда. Состав Суда выбирался на академический год и до истечения своих полномочий не мог быть сменен. Судебное заседание считалось легитимным при наличии председателя и двух членов. В случае отсутствия кого-либо из членов его заменял кандидат. Заседания обычно проходили в открытом режиме, но суд имел право по заявлению одной из сторон и по собственной инициативе вынести постановление о рассмотрении дела в закрытом режиме.

О дате, времени и месте слушания дела стороны извещались способом по усмотрению Суда. До начала слушания дела Суд обязан был удостовериться, что стороны своевременно извещены о дне, времени и месте слушания. В случае неявки в Суд без уважительной причины обвинителя при врученной ему повестке дня уголовные дела, возникающие в порядке частного обви-

нения, прекращались. Дела о нарушении общепринятых понятий о чести и порядочности и издавна установившихся студенческих традиций и корпоративной чести разбирались Судом даже в отсутствие обвинителя, что свидетельствует о значении, которое Союз придавал таким делам. Примирением могли закончиться лишь уголовные дела, возникавшие в порядке частного обвинения. В случае невручения повестки сторонам или неимения сведений о вручении слушание дела откладывалось. При неявке обвиняемого без уважительных причин дело слушалось в его отсутствие.

Суд имел право приговаривать членов Союза к замечанию, к выговору перед лицом Суда или Общего собрания и к не превышавшему одного злотого денежному взысканию в пользу кассы взаимопомощи Союза. В «Положении о Суде Чести» нет такой меры наказания, как исключение из СРСЭ, но, судя по приговорам Суда, она применялась. Приговоры приводились в исполнение через Правление СРСЭ, а Суд наблюдал за своевременностью их исполнения. Приговоры вывешивались на видном месте в помещении Союза и докладывались Общему собранию. Об исключении из Союза сообщалось всем студенческим эмигрантским организациям и публиковалось в печати [8. Л. 4–5 об.].

Таким образом, студенты, входившие в СРСЭ, самостоятельно избирали судей на определенный положением срок, что свидетельствует о демократическом принципе избрания суда. Суд чести рассматривал дела на основе тех же принципов, что и суд в любом правовом государстве, – гласности, состязательности и равенства сторон. Студенты лично принимали участие в заседаниях. Суд обладал значительными правами: приняв к рассмотрению дело, имел право назначать предварительное дознание, которое поручалось одному из его членов или кандидату, и опрашивать свидетелей. Причём члены СРСЭ, вызванные в качестве свидетелей по делам о нарушении общепринятых понятий о чести и порядочности и о проступках уголовного характера, возникавшим в порядке частного обвинения, в случае неявки без уважительной причины подвергались выговору и денежному взысканию, но не свыше одного злотого. В случае упорного нежелания члена Союза дать свидетельские показания Суд имел право применить к нему одну из высших мер наказания. Свидетели в состоянии болезни могли допрашиваться по месту жительства специально командированным членом Суда.

Суд выносил приговоры после тщательного и всестороннего изучения обстоятельств дела всеми законными и доступными ему средствами и путями. Решение принималось большинством голосов, а член Суда, не согласный с большинством, имел право предложить отдельно своё мотивированное мнение. Решения об исключении студентов из СРСЭ вступали в силу только после одобрения Общего собрания, что являлось сдерживающим фактором и позволяло собранию контролировать решения суда. Всё это должно было обеспечить справедливость приговоров.

Вместе с тем имелись и потенциально негативные стороны. Решения Суда являлись окончательными и не подлежали обжалованию, что ограничивало права студента и могло спровоцировать произвол со стороны

судей. Не соблюдался принцип несменяемости судей, что позволяло студенческой корпорации контролировать деятельность суда, что являлось демократическим по сути, но ставило суд в зависимости от мнения большинства членов студенческой организации.

Процедура рассмотрения дела копировала процедуру рассмотрения гражданского дела в государственном суде. Вначале секретарь Суда оглашал назначенное к слушанию дело. Затем председатель предоставлял слово обвиняющей стороне, затем обвиняемому. Далее слово предоставлялось свидетелям. После допроса сторон и свидетелей председатель просил присутствующих удалиться. По окончании совещания Суд выносил приговор, который оглашался председателем Суда и выслушивался присутствующими стоя.

Русское студенчество в Польше находилось в неблагоприятных материальных и морально-психологических условиях. Отрицательно воздействовали на душу русских эмигрантов крайняя нехватка денег, тяжелые условия жизни и нахождение вдали от родины, в чужой стране, где общество и правительство индифферентно относились к русским эмигрантам и студенчеству в частности. Поэтому некоторые дела, особенно в первый год деятельности Суда, возникали по причине краж, том числе мелких, в основном в студенческом общежитии.

9 сентября 1923 г. Суд Чести рассматривал два дела, возбужденных общежитием, в отношении проживавших в нём членов СРСЭ. Студент Н. Разумов обвинялся в пропаже брюк у студента В. Сергиевского, а последний обвинялся в пропаже брюк у студента Зайцева. Зайцев на Суд не явился и никаких объяснений относительно своей неявки Суду не предоставил, поэтому Суд признал неявку неуважительной и постановил слушать дело в его отсутствие, на что возражений не последовало.

По первому делу из опроса свидетелей, протокола общего собрания общежития и показаний обвиняемого и потерпевшего Суд не усмотрел признаков вины Н. Разумова и оправдал его. По второму делу из протокола общего собрания общежития, опроса свидетелей и объяснений В. Сергиевского Суд Чести усмотрел, что свидетели определенно и единогласно утверждают, что Зайцев на общем собрании общежития категорически признал найденные при обыске В. Сергиевского брюки за собственные, а заявление Зайцева, поданное через В. Сергиевского в Суд Чести спустя несколько дней после вышеупомянутого общего собрания общежития, не соответствует действительности. Суд Чести признал В. Сергиевского виновным в присвоении брюк Зайцева и приговорил к исключению его из СРСЭ. Также Суд ввиду публичного и категорического признания на общем собрании общежития брюк, найденных при обыске у В. Сергиевского, за свои и активного желания скрыть действительного виновника пропажи брюк и за неявку на судебное заседание без уважительных причин постановил исключить Зайцева из общежития в двухнедельный срок.

Суд также предложил выбрать нового старосту по причине постоянно повторяющихся и нераскрытых

краж в общежитии [8. Д. 2. Л. 79–80]. Таким образом, можно заключить, что кражи в студенческом общежитии носили систематический характер.

В. Сергиевский, исключенный из СРСЭ Общим собранием, просил пересмотреть его дело, но 11 ноября 1923 г. Суд, рассмотрев его заявление, решил, что нет законных поводов к пересмотру данного дела и вынести новое решение по нему Суд не имеет возможности, и В. Сергиевскому в просьбе отказал [Там же. Л. 74].

30 сентября 1923 г. Суд слушал дело по обвинению члена Союза Шевелкина в присвоении вещей А.Г. Володуцкого. Заслушав письменное заявление свидетеля и показания А.Г. Володуцкого и Шевелкина, Суд признал Шевелкина виновным в краже и приговорил к исключению из общежития в двухнедельный срок, обязав возместить стоимость присвоенных вещей [Там же. Л. 81].

Более серьёзное дело разбиралось 30 августа 1923 г., когда Суд рассмотрел дело о растрате денег Союза казначеем СРСЭ Н.Н. Богдановым. Выслушав показания обвиняемого и членов Правления, а также протокол Ревизионной комиссии по данному делу, Суд, принимая во внимание осознание вины Н.Н. Богдановым в растрате, признал его виновным и приговорил к исключению из СРСЭ.

Суд нашёл также, что проступок Н.Н. Богданова носит характер, не только порочащий честь русского студента, но и уголовный, что не входит в компетенцию Суда Чести, а поэтому постановил вопрос о предании бывшего казначея Союза Н.Н. Богданова уголовному суду передать на рассмотрение ближайшего Общего собрания. Со своей стороны, Суд Чести, зная долгую и честную предшествующую деятельность Н.Н. Богданова в должности казначея, пришёл к выводу, что «растрата совершена в состоянии опьянения и наркоза» [8. Д. 2. Л. 75–75 об.].

Таким образом, члены СРСЭ не всегда отвечали нормам моральной устойчивости и не были примером образцового отношения к обязанностям и учёбе.

Отличительной чертой Суда Чести являлось то, что он имел право рассматривать не только мелкие уголовные дела, но и дела этического характера, а также дела о нарушении студенческих традиций и корпоративной чести, что способствовало поддержанию порядка в среде русских студентов и в конечном итоге благоприятно отражалось на имидже русского студенчества в Польше. Этические дела суды чести разбирали и до октябрьского переворота. Тогда этические нормы студенческой корпорации заключались в запрете сотруничества с администрацией университета и с царской охранкой.

«Этическое дело» слушалось 24 апреля 1923 г. Студент В. Базилевский обвинялся «в проступках, роняющих честь русского студента». Из опроса свидетелей и показаний обвиняемого Суд усмотрел в поведении и поступках В. Базилевского «недостаточное сознание этических принципов и недостаточное уважение к выборным органам Союза». Поэтому постановил объявить ему выговор перед лицом Общего собрания и лишить его на один год избирательного права [8. Д. 2. Л. 56].

13 мая 1923 г. Суд слушал дело по обвинению членами Союза М. Поляковой, М. Карпович и М. Преловской члена того же Союза В. Фот (она же Попова) в поступках, порочащих честь русского студента. Обвиняемая Фот в Суд не явилась и никаких письменных объяснений Суду не предоставила, поэтому Суд постановил, руководствуясь Положением о Суда Чести, дело слушать в отсутствие обвиняемой. Исходя из опроса обвинителей и показаний студентов-свидетелей, Суд Чести пришел к выводу, что поведение и поступки члена Союза В. Фот действительно не соответствуют этике и студенческим традициям, и приговорил объявить В. Фот выговор пред лицом Общего собрания и лишить её избирательных прав на один год [Там же. Л. 58].

Уважение к авторитету выборных органов организации являлось важной обязанностью и этической нормой для членов СРСЭ, о чём свидетельствуют протоколы и приговоры Суда Чести СРСЭ. Так, 13 мая 1923 г. Суд слушал дело по обвинению студентами Л. Быстрицким, А. Володуцким и А. Лавровым студента Н.И. Иванова в клевете и подрыве авторитета выборной организации СРСЭ – Бюро труда. Один из обвинителей, А. Лавров, на Суд не явился и не предоставил ему никаких письменных объяснений относительно своей неявки, поэтому Суд постановил дело слушать в его отсутствие, на что стороны не возражали.

Из показаний обвиняющей стороны и из опроса свидетелей, членов СРСЭ, Суд усмотрел, что Н.И. Иванов своими разговорами и критикой действий Бюро труда о назначении на работу членов артели показал, что он не сознает, что не дело каждого отдельного члена артели критиковать действия выборных органов, так как для этого имеются особые органы, которые могут проверять правильность и целесообразность действий Бюро труда, – Общие собрания членов артели, Суд Чести и отчасти Ревизионная комиссия. Суд Чести приговорил объявить Н.И. Иванову замечание, а дело о клевете прекратить [8. Д. 2. Л. 59].

Среди протоколов Суда имеются и другие, в которых запечатлены дела о конфликтах между членами Союза и его руководством. Пожалуй, одно из наиболее ярких дел – дело студента Варшавского университета А. Гольберга, занимавшего должность председателя Правления СРСЭ в 1922 г. [Там же. Л. 2]. Суд рассматривал его дело 12 марта 1925 г. А. Гольберг обвинялся Правлением «в оскорблении словами Правления, как такового».

Суть дела состояла в следующем. На заседании Правления СРСЭ в Польше просьба А. Гольберга разбиралась в порядке повестки дня одной из последних. Когда А. Гольберг узнал о неблагоприятном решении его просьбы о ссуде на оплату обучения в университете, он в резких выражениях и повышенным тоном стал разговаривать с одним из членов Правления, сказав, что подобное поведение Правления попросту «хамство» и т.п. [8. Д. 9. Л. 22].

Свой поступок А. Гольберг объяснил нервным состоянием, в котором он находился из-за того, что Правление заставило его ждать ответа на просьбу несколько часов, занимаясь в это время, по мнению об-

виняемого, «своими семейными делами». До заседания Правления А. Гольберг лично обращался к каждому его члену в отдельности устно об удовлетворении его просьбы, и каждый из них обещал ему содействии. По словам А. Гольберга, Правление прежнего состава меньше всего обращало внимание на формальную сторону, и если студент ожидал решения по поданному им заявлению, то ему часто сообщалось о решении ещё до окончания заседания. На заседании, когда разбиралось заявление А. Гольберга, он неоднократно обращался к выходившим членам Правления с просьбой о выяснении решения результата его просьбы, но не получал ответа. Подобное отношение его возмутило и стало причиной резкости его слов и поведения [8. Д. 38. Л. 29]. В результате Суд приговорил А. Гольберга к выговору перед лицом Общего собрания и лишению избирательного права в Союзе сроком на полгода [Там же. Л. 30].

У этого дела было и продолжение. А. Гольберга решение суда не удовлетворило, и он резко раскритиковал Суд, который после этого вынес решение о его исключении из рядов СРСЭ. Общее собрание, утверждавшее приговоры об исключении, приговор А. Гольберга не утвердило и даже подвергло Суд критике. Суд усмотрел в этом недоверие к себе, неодобрение своей деятельности, расхождение в позициях о студенческих традициях и корпоративной этике и сложил полномочия [8. Д. 3. Л. 62]. В конечном итоге А. Гольберга исключили из Союза уже новым составом суда [Там же. Д. 38. Л. 58].

Из этого дела следует, что система сдержек и противовесов в студенческом сообществе работала успешно и студенческое сообщество контролировало Суд. Свою роль в этом играли и демократические традиции дореволюционного русского студенчества, и распространённость среди студентов либеральных идей, ярко проявляющихся в молодые годы.

20 марта 1926 г. Суд рассматривал дело по обвинению членом Союза И. Садовниковым председателя Правления СРСЭ Н. Москвина в предоставлении недостоверной информации о получении денег из министерства народного просвещения и вероисповеданий. Из показаний свидетелей и объяснений сторон Суд, с одной стороны, усмотрел, что председатель Правления действительно дал неправильную информацию И. Садовникову, из-за чего последний возбудил дело, но с другой стороны, Суд усмотрел, что И. Садовников, не задав определенных вопросов председателю Правления, не мог получить категорических ответов. Обвиняя Правление в секретном распределении денег, И. Садовников не имел для этого достаточных данных. Суд Чести приговорил председателя Правления к замечанию, а И. Садовникова к выговору [8. Д. 4. Л. 9].

Исходя из выявленных протоколов Суда Чести за 5 лет с 1923 по 1927 г., Суд рассмотрел около 20 дел. В том числе в 1923 г. 3 дела о краже, 3 дела о поступках, порочащих честь русского студенчества, 3 дела о клевете. В 1924 г. – 2 дела о поступках, порочащих честь русского студенчества, одно об оскорблении Правления и одно об обвинении студентом Правления в превышении власти. В 1925 г. – одно дело об оскорблении, одно об оскорблении Правления и одно об оскорбле-

нии Суда Чести. В 1926 г. – одно дело об обвинении студентом Правления Союза. В 1927 г. – 2 дела об оскорблении, одно о клевете, одно об оскорблении Суда Чести и одно дело о краже [8. Д. 2. Л. 55, 56, 57, 58, 75, 79, 81; Д. 4. Л. 9; Д. 38. Л. 3, 4, 9–9 об., 18–19, 29, 31, 64, 68–68 об., 69, 77, 76–76 об., 77, 90, 97].

Приведённые данные позволяют сделать заключение о нерегулярном проведении заседаний Суда и о малом количестве рассмотренным им дел. В первый год деятельности Суд рассматривал уголовные дела о мелких кражах, в последующие годы такие дела почти исчезают, что объясняется постепенной нормализацией бытовых условий жизни студентов. Отмечается преобладание дел об оскорблении и клевете, что отражает специфику Суда Чести.

Таким образом, Суд Чести способствовал поднятию морального духа русского студенчества в Польше, очищению его рядов от людей с противоправным и аморальным поведением, способствовал воспитанию внутренней дисциплины среди русских студентов. Наличие при СРСЭ Суда Чести свидетельствует не только о большом значении для организации соблюдения её членами этических норм, но и о необходимости контроля корпоративным сообществом их соблюдения.

Существование и деятельность Суда Чести имели положительное значение для русского студенчества. Широкой общественной огласке происходивших внутри студенческого объединения негативных проявлений препятствовало право Суда рассматривать спорные вопросы и конфликты, возникавшие между членами СРСЭ и членами СРСЭ и третьими лицами при их согласии. Наличие при СРСЭ Суда Чести позволяло студенту – члену организации избежать обращения в польские правоохранительные органы в случае совершения в отношении него мелкого уголовного преступления и наличия подозреваемого в нём. Суд Чести способствовал формированию нравственно зрелых, воспитанных на ценностях чести, ответственных перед государством, обществом и коллегами личностей.

Кроме того, студенту было психологически проще и комфортнее обращаться за справедливостью к соотечественникам и коллегам, создавалось ощущение солидарности и защищенности, которые предоставляла студенческая корпорация. Зато наказания, которым могли подвергнуть студента, признанного виновным, были психологически болезненными, так как выносились от имени студенческого сообщества. Представляется возможным провести аналогию с греческим полисом, где изгнание или атимия также являлись наиболее тяжёлыми наказаниями для гражданина; также и студент, исключённый из организации, оставался без поддержки и защиты своей корпорации.

В заключение отметим, что опыт общественных организаций русского студенчества и таких органов, как суды чести, не в достаточной мере использован и внедрён в современную российскую общественную жизнь. Несомненно, возрождение традиций русского студенчества по созданию своих неправительственных общественных организаций и судов чести при них обладает значительным позитивным потенциалом в деле укрепления и развития гражданского общества в нашей стране.

ЛИТЕРАТУРА

1. Квакин А.В. Документы по истории Российского Зарубежья из коллекции баронессы Марии Врангель в архиве Гуверовского института войны, революции и мира (США) // Вестник архивиста. 2004. № 1 (79). С. 263–295.
2. Иванов Е.И. Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX века: опыт культурной и политической самоорганизации. М.: Новый хронограф, 2004.
3. Иванов Е.И. Мир российского студенчества. Конец XIX – начало XX века. М.: Новый хронограф, 2010.
4. Бирюкова К.В. Российские студенческие союзы в Центральной и Восточной Европе в 1920–1930-е гг. М., 2004.
5. Ёлкин А.И. В поисках лучшей доли: русские студенты-эмигранты в Польше в 20–30-е гг. XX в. // Вісник Харківського нац. університету ім. В.Н. Каразіна. 2014. № 1117: Історія, вип. 48. С. 135–143.
6. Трошкина М.В. Документы Государственного архива Российской Федерации о деятельности русских общественных организаций в Польше (1920–1930-е гг.) // Отечественные архивы. 2006. № 5. С. 56–66.
7. Швейковский В.А. Суд общества офицеров и дуэль в войсках российской армии. СПб., 1898.
8. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5846. Оп. 1.
9. Гостев А.Н. Система российских традиций в студенческом самоуправлении // Системная психология и социология. 2013. № 7. С. 116–173.

Статья представлена научной редакцией «История» 19 мая 2016 г.

THE COURT OF HONOR OF THE UNION OF RUSSIAN STUDENTS-ÉMIGRÉS IN POLAND

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 409, 85–90.

DOI: 10.17223/15617793/409/13

Sergei V. Kosterin, Russian State University for Humanities (Moscow, Russian Federation).

E-mail: kosterin-sergey2014@yandex.ru

Keywords: Russian Abroad; Russian émigré organizations in Poland; student émigré organizations; courts of honor.

For the first time in the historiography, the article aims to analyze the genesis, specificity and activity of a body of corporate justice – the Court of Honor of the Union of Russian students-émigrés in Poland (URSE) based on the unpublished documents stored in the State Archive of the Russian Federation in the collections of the former Prague Archive. The archival sources show that students of URSE independently elected judges for a certain period, which demonstrates the democratic principle of the Court election. The Court hearings followed the same rules as in any state of law. The cases were heard on the basis of transparency, competitiveness and equality of parties. The students took part in the Court's sessions. This was supposed to ensure the fairness of the verdicts. The Court had significant rights: it could appoint a preliminary inquiry and examine the witnesses. But the Court's decisions were not a subject to appeal, which limited the students' rights and could provoke the arbitrariness of judges. The irremovability of judges principle was not observed, which enabled the corporation to control the activity of the Court and put the Court in reliance on the opinions of the majority of its members. The bulk of the cases were due to minor household thefts, mostly in the student dormitory. Thefts were determined by the difficult material conditions of life of Russian students-émigrés in Poland and their moral decay as a result of the adverse moral and psychological climate, which was a reality for the Russian Diaspora during the times of interwar Poland. The special features of the Court of Honor included its rights to examine ethical cases and cases about the violation of student traditions and corporate honor. The activity of the Court had a positive significance for Russian students, because the Court could consider controversial issues and conflicts that arose between the URSE members, the URSE members and third persons in case of their consent, which prevented publicizing of the negative phenomena within the student association and, ultimately, it positively reflected on the image of Russian students. The existence of the Court of Honor allowed students to avoid turning to the Polish authorities when a minor criminal offence against them took place and there was a suspect. Students felt more comfortable psychologically looking for justice together with compatriots and colleagues, it gave the impression of solidarity and security. But punishments were psychologically painful as they were imposed on behalf of the student community and could cause the loss of support of the student organization. The Court of Honor helped to maintain order, helped in the purification of the student corporation from people with unlawful and immoral behavior; it had a positive effect on the moral image of Russian students in Poland.

REFERENCES

1. Kvakin, A.V. (2004) Dokumenty po istorii Rossiyskogo Zarubezh'ya iz kollektsii baronessy Marii Vrangeli v arkhive Guverovskogo instituta voyny, revolyutsii i mira (SShA) [Documents on the history of Russian abroad from the collection of Baroness Maria Wrangel in the archives of the Hoover Institution on War, Revolution and Peace (USA)]. *Vestnik arkhivista*. 1 (79). pp. 263–295.
2. Ivanov, E.I. (2004) *Studencheskaya korporatsiya Rossii kontsa XIX – nachala XX veka: opyt kul'turnoy i politicheskoy samoorganizatsii* [Student Corporation in Russia of the late 19th – early 20th centuries: the experience of the cultural and political self-organization]. Moscow: Novyy khronograf.
3. Ivanov, E.I. (2010) *Mir rossiyskogo studenchestva. Konets XIX – nachalo XX veka* [World of Russian students. Late 19th – early 20th centuries]. Moscow: Novyy khronograf.
4. Biryukova, K.V. (2004) *Rossiyskie studencheskie soyuzy v Tsentral'noy i Vostochnoy Evrope v 1920–1930-e gg.* [Russian student unions in Central and Eastern Europe in the 1920s–1930s]. Moscow.
5. Elkin, A.I. (2014) V poiskakh luchshey doli: russkie studenty-emigranty v Pol'she v 20–30-e gg. XX v. [In search of a better life: Russian emigre students in Poland in the 1920s–1930s]. *Visnik Kharkivs'kogo nats. universitetu im. V.N. Karazina*. 1117:48. pp. 135–143.
6. Troshkina, M.V. (2006) Dokumenty Gosudarstvennogo arkhiva Rossiyskoy Federatsii o deyatelnosti russkikh obshchestvennykh organizatsiy v Pol'she (1920–1930-e gg.) [Documents of the State Archive of the Russian Federation on the activities of Russian public organizations in Poland (1920s–1930s)]. *Otechestvennye arkhivy*. 5. pp. 56–66.
7. Shveykovskiy, V.A. (1898) *Sud obshchestva ofitserov i duel' v voyskakh rossiyskoy armii* [The Court of Officer Society and the duel in the Russian army troops]. St. Petersburg: V. Berezovskiy.
8. State Archive of the Russian Federation. Fund R-5846. List 1. (In Russian).
9. Gostev, A.N. (2013) The system of Russian traditions in student self-government. *Sistemnaya psikhologiya i sotsiologiya – Systems Psychology and Sociology*. 7. pp. 116–173. (In Russian).

Received: 19 May 2016